

солнцепеке накалялась и до $61,2^{\circ}$ С. Особенно трудно дышалось в котловинах, вблизи солончаковых болот, где всякая вентиляция почти отсутствовала и нагретый, как будто даже, спертый воздух окончательно высушивал в организме последнюю влагу. Даже верблюды и те страдали, и широко открывая могучие пасти, ловили малейшее дуновение ветерка. Странно бывало наблюдать, как в этот зной некоторые существа, как, например, ящерицы, змеи, жуки и мухи ни на одну минуту не прекращали своей деятельной жизни и, повидимому, чувствовали себя прекрасно...

Люди же несколько приободрились только после заката солнца. Ночи в пустыне бывали действительно обаятельные. Свежий прозрачный воздух прохладной струей вливался в усталую грудь; ясное, глубокое небо сияло особенно близкими, особенно яркими звездами, и торжественная чуткая тишина ласкала душу... Сколько раз в пустыне Гоби приходили мне на память грустные и вместе с тем прекрасные строки моего любимого поэта М. Ю. Лермонтова:... «Ночь тиха; пустыня внемлет Богу, и звезда с звездою говорит. В небесах торжественно и чудно! Спит земля в сияньи голубом... Отчего же мне так больно и так трудно»...

Во время длительных, тридцати и более верстных переходов, истомленные ненасытной жаждой, многие из нас находили единственное утешение в тщательном рассматривании горизонта с помощью бинокля.

Среди беспредельного желтого моря, каждый островок зелени вызывал у всех живейшую радость, хотя нередко неприветливые растения и даже кое-какие птички — желтые плиски, стрижи — окружали горько-соленые бассейны воды или болота, — Шара-хулусун, — и тогда вместо отдыха нас ожидало разочарование... Зато как мы стали неприхотливы!

Шестнадцатого мая, вступив в котловину Гойцзо и увидев обширные заросли тихо шелестевшего камыша, среди которого блестели полосы прозрачной родниковой воды, нам показалось, что лучше этого человек ничего не может пожелать. Жадно вдыхали путники особенный сочный и свежий запах влажной растительности, жадно ловили приятные звуки птичьих голосов, долетавших из густых зарослей. Энергичнее других ликовала камышевка (*Acrocephalus arundinaceus orientalis*), ни на минуту